

16+

Мина Узно

ИЛЬХО

Мина Уэно

Ильхо

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Уэно М.

Ильхо / М. Уэно — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99847-6

Что может быть безмятежнее жизни на райском острове, затерянном в океане? Жизнь молодого Ильхо беззаботна: он - сын знаменитого изобретателя, живет в замке, у него есть доска, есть волны и друг Тео - и так изо дня в день. Но однажды на острове объявляется гостья. Кажется, она только вчера вышла из морской пены...Но это не история про принца и русалочку, это история про Творца и Творение, про отца и сына, про любовь, которой суждено пройти множество испытаний.

ISBN 978-5-532-99847-6

© Уэно М., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мина Уэно

Ильхо

Пролог

Герцог затушил лампу. От нескольких часов непрерывной работы глаза устали и слезились – он не мог больше смотреть на огонёк. А небо сегодня было безоблачно, и бледно-розового света, лившегося в окно, хватало, чтобы убраться за собой.

Когда работа спорилась, он мог просидеть в своей мастерской хоть до самого утра. Мог забыть о времени и вообще не спускаться вниз день или два. Сегодня он управился рано, но это было лучшее из всего, что он сотворил. Возможно, он никогда больше не повторит подобного успеха. Его руки уже немолоды, и подводит зрение. Если бы в Ильхо была хоть толика его жажды познания и созидания, но...

Герцог прибрал инструменты. Он всегда держал рабочее место в чистоте и порядке. Строгость и дисциплина, строгость и дисциплина – повторял он себе – вот те столпы, на которых зиждется воплощение в жизнь любой идеи. Где бы он был, кем бы он был, если б в голове его гулял ветер, а к своему делу он относился безалаберно? Ответ каждый божий день находился перед ним – его сын, что наверняка – он знал это – шлялся всю ночь по острову в поисках развлечений и острых ощущений. А сам Герцог в его возрасте уже знал, что такое тяжелый труд, и готов был многим пожертвовать ради воплощения собственных идей.

Надо бы обязать Ильхо провести несколько дней в Цехах. Это должно пойти мальчишке на пользу.

Инструменты были разложены по холщовым чехлам и убраны: те, что поменьше, – в ящики стола, побольше – в сундук. Бумаги с эскизами и чертежами – свернуты и сложены в корзины. Стекланный сосуд, в котором еще недавно трепыхалась и билась синяя искра, бережно спрятан в шкаф под замок. До новой поставки, которой следует ждать не раньше, чем через месяц-другой, он ему не понадобится.

Не удержавшись, Герцог подошел к большому, в человеческий рост, стеклянному ящику, что был установлен у стены. Образец спал, пока. Искра была помещена внутрь всего час назад, а это значит, что пробуждения следует ждать не раньше обеда. У него будет время подготовиться и еще раз как следует все обдумать.

Для этого образца отведена особая роль.

Герцог отошел к окну.

Замок спал. В саду под башней было тихо и сумрачно, а в распахнутые настежь окна дышала душистой прохладой мирная островная ночь. Спокойные нынче воды океана ловили гребешками волн отсветы туманности, раскальвающей небосклон пополам.

Места красивее и умиротвореннее, пожалуй, не было на целом свете, и до глубокой старости, до самой смерти он будет вынужден видеть один лишь этот пейзаж, не сулящий никакой пищи для разума.

Раздался оглушительный звон. Герцог вздрогнул и резко обернулся лишь для того, чтобы увидеть, как, разметав осколки своей темницы и распахнув резную деревянную дверь, его творение скрывается на лестнице, ведущей вниз.

Он постоял так какое-то время, соображая, почему же в этот раз искра сработала иначе. А потом его губы тронула тонкая улыбка. Герцог снова бросил взгляд в окно: на погруженные в тишину Цеха, возвышающиеся по другую сторону острова, на пляжи, скрытые от его взора густой зеленой порослью, на спящий городок – единственный на острове.

Улыбка сделалась и мрачнее, и веселее.

Так или иначе, игра началась.

Глава 1

– Ты проспал завтрак.

Такими недовольными словами его встретила тетка. Она одна осталась за столом к тому времени, как он спустился.

Ильхо беззаботно пожал плечами. Он слышал, что у аристократов есть некий этикет, строгий распорядок дня, традиции и прочая ерунда. Но все это осталось там, на Большой Земле, которую он, к слову, совсем не помнил. А здесь – кому это нужно?

Отец всегда завтракал в своем кабинете. Кузина, теткина дочь, тоже предпочла бы вставать, когда ей заблагорассудится, но мать была с ней строга. В жизни же самого Ильхо время и вовсе не имело значения. Когда ложиться? Когда вставать? Он сам себе был хозяин, и никто ему был не указ.

И единственной, кто еще цеплялся за прежнюю жизнь, оставалась его тетка, Регина. Стареющая, недовольная жизнью женщина. О ней Ильхо знал лишь, что у нее случаются мигрени и потому она пьет много кофе, – удовольствие не из дешёвых, но самого Ильхо это мало заботило: несмотря на изгнание, они до сих пор были баснословно богаты.

А это были уже слова его кузины. Лолли вечно повторяла, что, живи она в столице, благодаря деньгам его отца у нее не было бы недостатка в ухажерах. Ильхо неподдельно забавляло, какую значимость она придавала наличию женихов, – но ей было семнадцать, и она читала много романов.

Регина как раз заканчивала завтракать и с видом, исполненным достоинства и отчасти чванства, допивала свой кофе. Завтрак им накрывали на открытой террасе, примыкающей к столовой, а потому утреннее солнце подсвечивало тонкий фарфор в ее руках.

Ильхо не стал присаживаться, перехватил нарезанного мяса и ягод, подкидывая их в воздух и ловя ртом. Тетка то и дело бросала на него кислый взгляд. Поля ее серой шляпы негодуяще трепетали на легком ветерке. Но Ильхо вовсе не собирался никого злить. Просто хотел похвастаться позже перед Тео новым трюком.

– Присядь, ради всего святого! Не будь как один из этих... – она понизила голос и взглядом указала на слуг, что убирали грязные тарелки и блюда со стола.

Ильхо безмятежно рассмеялся. Какие же все-таки глупости порой говорят люди!

– В этом нет ничего смешного! – Тетка все же обиделась. – Нужно держаться за свое положение. Иначе мы уподобимся местным... дикарям. – Так она называла тех простолюдинов, что обжились на острове.

А вот сам Ильхо был не против этих самых «дикарей». Один из них даже был его лучшим другом...

– ...Эй, Тео!

Он заглянул за плетеный забор и застал друга сидящим перед мазанкой за починкой рыболовной сети. На самом деле Тео, как и его старик, нырял за жемчугом, но рыбу на острове ловили все и постоянно.

– Чего?

Смуглый, темноволосый Тео сильно отличался от Ильхо. Они были словно полными противоположностями. Друг был ниже его на голову, свои длинные черные волосы заплетал в косу, в ухе носил серебряное колечко, и глаза его, миндалевидной формы, желто-карие, по-кошачьи щурились от солнца и ветра.

Сам Ильхо был высок, и волосы его и ресницы, выгорая, золотились на ярком солнце зимой, а во время зимних штормов становились цвета мокрого песка. Да и кожа его была чувствительна к загару, поэтому, как бы он ни хотел бегать по острову в одних лишь штанах и безрукавке, а все же приходилось надевать рубашку.

– Бросай сети, пошли кататься!

Тео прищурился и улыбнулся, продолжая работу.

– Завидую я тебе, – певуче и совсем без зависти проговорил друг. – А как же твоя работа в Цехах? Отец не спросит?

Ильхо оперся на забор, положив голову на руки; его укрывала тень цветущего дерева – крупные белые цветы только распустились.

А что отец скажет? Он поставил условие: провести три дня на производстве, посмотреть, поинтересоваться делом. По дню на каждый Цех. Но это было скучно. Ильхо отбыл повинность и теперь был свободен. Никакого желания принимать участие в «семейном» деле у него не возникло.

– Я свободен как волна. Давай, Тео, бросай всё!

Друг терпеливо вздохнул, отложил в сторону сеть и направился к навесу за домом. Там, под надежным укрытием из пальмовых листьев, они хранили свои доски – Тео сам их сделал, а красное дерево для них привезли специальным заказом вместе с пряностями и тканями.

Ильхо перемахнул через калитку и поспешил на помощь...

Они бежали по горячему песку – доски под мышкой, – поднимая за собой брызги бело-снежной крупы.

Обычно безлюдное, сегодня местечко было облюбовано кем-то еще. Двое сидели у самой кромки прибоа, сцепив руки вокруг коленей, и вели разговор, слова которого тонули в рокоте волн.

Девушка и парень.

Ильхо заприметил: она симпатичная. Кожа смуглая; ветер развеивает смоляные пряди, а глаза даже издали сияют, как два сапфира. И простенькое выцветшее платье, в котором еще угадывается синий цвет, идет ей как нельзя лучше.

Ильхо узнал ее: она помогала на кухне в замке.

А вот парнишка казался незнакомым. Он выглядел как его ровесник: лет восемнадцати, а может, и моложе. Темные волнистые волосы – то ли длинные, то ли короткие, – небрежно убраны под красную повязку, рубаха-безрукавка с воротом на шнуровке обнажает сильные, хоть и тонкие руки, а шаровары закатаны до колен. Ни дать ни взять какой-нибудь подмастерье из Цехов. И прибыл на остров недавно: кожа светлая, что коралл.

Завидев их, парочка замолчала, но через мгновение обрывки речи вновь стали доноситься с ветром. Ильхо, бросая мимолетные взгляды, все подмечал: что оба смотрят в их сторону и что девушка что-то втолковывает своему другу, а взгляд у того строптивый.

Ильхо вслед за Тео, не замедляя шага, понесся навстречу волнам. Когда они катались в одиночестве, лишь изредка соревнуясь между собой, это было чистое, искрящееся удовольствие, но красоваться на публике Ильхо любил еще больше, хоть такое и нечасто случалось.

Волны накатывали одна за другой. Он раз за разом вставал на доску и скользил по воде как по шелку. Его рубаха и штаны намокли и волосы липли ко лбу.

Одна волна, вторая, третья, четвертая – все по прямой. Он даже не замечал, как там дела у Тео. На всем белом свете остались только он, доска под ногами и волны.

И тут, бросив короткий взгляд на берег и убедившись, что те двое все еще сидят и девушка смотрит, он дерзнул направить доску вдоль гребня волны. Тео всегда спускался только по прямой. Друг твердил, что делать иначе рискованно, но у Ильхо уже несколько раз получалось, получится и сейчас...

Однако стоило ему попытаться оседлать волну, как доска под ногами вильнула, и на этот раз он потерял равновесие. Судорожно всплеснув руками в попытках удержаться за воздух, Ильхо рухнул в воду и тут же вынырнул, чувствуя себя беспомощным; мысли его пришли в смятение.

И тут его захлестнул мощный поток – ударила следующая волна...

На песок его, мокрого, побитого и отплеывающегося, вытащил Тео.

Ильхо не успел даже толком отдышаться, как его ушей достиг залиvistый смех девушки, – он слышал его даже сквозь шум прибоя, как и веселые слова, слетающие с уст парня. Что тот говорил, оставалось загадкой, но через призму задетого самолюбия Ильхо будто расслышал колкости и низкие шутки в свой адрес.

– Ты в порядке? – Перед ним маячило взволнованное лицо друга, но Ильхо молча сел, бросив рассерженный взгляд в сторону весельчаков.

В следующее мгновение он уже поднялся и быстрым шагом по мокрому песку направился к ним. Тео был мудрее – он просто стоял и смотрел, и мягкая улыбка играла на его смуглом лице.

– Хей! – крикнул Ильхо, приближаясь.

Оба обернулись – испугавшись, девушка тут же вскочила, но парнишка остался сидеть: он смотрел на Ильхо, нахмутив ровные темные брови из-под низко надвинутой повязки, всем своим видом неприкрыто дерзя.

– Ты. – Ильхо подошел почти вплотную и посмотрел на сопляка сверху вниз. – Что смешного?!

– Топай дальше, неженка, – щурясь то ли от ветра, то ли от презрения, бросил парнишка чистым звонким голосом.

С близкого расстояния он казался еще моложе, и Ильхо засомневался, но все же пригрозил:

– Держи язык за зубами. Такому мальчишке, как ты, не помешала бы хорошая порка!

– Мальчишке?! – зло выдохнул тот и взвился с места.

Ильхо готов был ударить, но тут ему в глаза полетела горсть песка. Он схватился за лицо руками, в попытках избавиться от невыносимого, саднящего чувства, но ничего не видел, и в это мгновение его ударили между ног.

Задохнувшись и скрючившись от боли, Ильхо упал на колени и мутным, слезящимся взглядом запечатлел размытые очертания убегающих вдаль фигур.

– Гаденьш! – прокричал он на весь пляж так, что даже волны не в силах были заглушить его слова. – Я найду тебя и душу из тебя выблю!

– Ильхо... – зазвучал над ним певучий голос Тео. – Ай-яй-яй. – Друг покачал головой, придерживая его за плечи.

– Море! Как же мне больно! – простонал Ильхо, позволяя увести себя прочь.

Глава 2

Ильхо сменил рубашку на свежую, но даже не стал ее застегивать. Сегодня он со старым замковым псом, что прибыл на остров еще вместе с первой партией рабочих и жил теперь во внутреннем двореке, предпринял вылазку к Северному мысу. Там недавно возвели часовню.

Ильхо с любопытством облазил одноэтажное кирпичное строение. Внутри было бедно и пусто, маленькие окошки располагались высоко, почти под потолком, так что столпы света падали на немногочисленные ряды деревянных скамеек. Без единого прихожанина на них. Наверное, рабочим, прочим ремесленникам, фермерам и рыбакам просто некогда было молиться. Ещё и в такой дали.

Да и священников на острове было всего трое. Ильхо никогда прежде с ними не разговаривал, даже не помнил, когда именно они прибыли, и с интересом выслушал об их нуждах и чаяниях, забыв обо всем уже на обратном пути к замку.

Пёс давно уже не носился по каменистой тропе, а просто бежал позади, высунув язык от жары. Его длинная золотистая шерсть явно не годилась для здешнего климата, но животное как-то приспособилось. Свою же голову в пути Ильхо укрывал соломенной шляпой.

А теперь он, отдохнув и переодевшись, спешил встретиться с Тео; тот должен был ждать его у развилки проселочной дороги, ведущей к городку. Оттуда они условились бежать на пляж, где после заката те из местных, кто помоложе, собирались на танцы. А солнце уже клонилось к горизонту...

– Опять убегаешь?

Лолли застала его, когда Ильхо намеревался перебраться через перила террасы, чтобы спуститься в сад, а там перемахнуть через живую изгородь, и дать дёру напрямую к дороге. На острове жили мирные люди, и у замка не было ни охраны, ни ворот, что запирались бы на ночь, да и никто из домашних не стал бы его останавливать. Просто так было короче и веселее, и можно было проверить, насколько сильны его мышцы и цепки пальцы.

Сестра застыла у выхода из холла. Легкий вечерний ветерок, скинувший с себя гнет жалеющего солнца, играл с ее тонкими волосами, выбившимися из прически, – только у них двоих на всем острове волосы были светлые, даже у тетки они с годами потемнели, а у отца и вовсе серебрились сединой. Платье ее, хоть и пошитое из легкой, струящейся ткани, все же было многослойным – как она носила его днем, в такой зной, да еще и с корсетом? Местные простолюдинки давно от него избавились и, кажется, ни о чем не жалели.

– Пошли с нами, – он ласково поманил её, решив, что, если б она согласилась, он даже не стал бы продираться сквозь сад – обошлись бы обычной дорожкой.

Глаза сестры сделались круглыми от испуга.

– К-куда?..

– На пляж. Будут танцы, – Ильхо не сдержал при этом радостной ухмылки. Самое лучшее времяпрепровождение после катания на волнах.

– Танцевать... с рабочими?

– Там все собираются.

– Мы – не собираемся. Я слышала, что люди там почти что голые и жмутся друг к другу.

Это неприлично, – шепотом добавила она, краснея.

Ильхо закатил глаза и рассмеялся.

– Танцевать тебя никто не заставляет. Можешь просто прогуляться по пляжу. Там красиво.

Лолли мотнула головой.

В возрасте одиннадцати лет сестра упала в море с обрыва. Ее вытащили из воды, а Герцог вернул с того света, но, по наблюдениям Ильхо, после того случая Лолли сделалась пугливой и

глуповатой и из замка больше не выходила – гуляла только в саду, смотрела на море с открытых террас и говорила о женихах.

– Ты знаешь, что скоро будут гости? – спросила сестра взволнованно.

Отец говорил что-то такое, да.

Ильхо пожал плечами. Время от времени к ним наведывались разные люди: ученые, дворяне, авантюристы – все, кто мог выбить себе при дворе разрешение на посещение острова. Иногда было интересно, иногда – смертельно скучно. В любом случае, он всегда мог сбежать с приема, если ему не нравилось, и улизнуть из замка, чтобы отправиться с Тео нырять за жемчугом или собирать моллюсков.

Судя по тому, как взгляд сестры подернулся мечтательной пеленой, она грезила, что на остров прибудет какой-нибудь молодой, статный дворянин, на худой конец – военный.

– Хей! Ильхо! – донеслось откуда-то снизу. Лолли вскрикнула, когда над перилами террасы показалась голова Тео. В сумерках и в тени крыши он был почти черен лицом.

– Ай, иду, Тео!

Ильхо махнул на прощание сестре, во все глаза глядевшей на карабкающегося как обезьяна Тео.

– Лолли, Лолли! – донёлся издали теткин голос, полный злости и беспокойства.

Но Ильхо в сопровождении друга уже спускался вниз по отвесной стене. На его счастье, в Коралловом замке не было ни одной прямой линии, ни одной ровной поверхности, и выступов для рук и ног находилось предостаточно.

Закат, как всегда, торопился. Он отгорал в здешних местах столь стремительно, что полюбоваться им удавалось не каждому.

Южная ночь пахла нежно, сладко.

При свете солнца все взоры невольно устремлялись к океану. Остров же казался песчинкой в его водах. Глубокие синие волны вдали и лазурные вблизи – они искрились в ярких лучах.

Но стоило солнцу зайти, как океан превращался в темное рокошущее ничто, в пустоту, в непроглядную пучину, а их маленький клочок земли становился убежищем посреди хаоса.

Простой народ любил веселиться. Забот днем хватало, хоть никого и не принуждали работать до изнеможения, а с наступлением темноты люди в возрасте любили посидеть в местном баре, скоротать вечер за разговором, песней и чарочкой самодельного вина или водки. Но те, кто помоложе, предпочитали более шумные увеселения.

Ильхо с Тео пробирались сквозь заросли, обходя тропинку. Вдалеке, переключаясь с волнами, звенели под быстрыми и ловкими пальцами гитарные струны. Музыка здесь любили: жизнь под солнцем в окружении волн располагала слышать и слушать. Звук тут могли извлечь из чего угодно – казалось, даже из воздуха. И, если под рукой не оказывалось музыкального инструмента, им могли послужить горшки и палки, песок в раковинах, панцири черепах – все что угодно.

В замке развлечения были редкостью. Да и те чопорные приемы, что устраивались для редких и немногочисленных гостей, были далеки от простого безмятежного веселья на ночном берегу.

А на пляже было на что поглядеть. Юноши избавлялись от рубашек и жилеток, штаны подворачивали до коленей, а то и вовсе обходились набедренными повязками. Девушки же сбрасывали опостылевшие в жару платья и оставались в одних лишь сорочках, подолы которых подвязывали узлом сбоку, чтобы укоротить до колен, а то и выше. А те, что постелее, прикрывали тело набедренной повязкой, стягивая грудь полоской ткани. Ночь дарила свободу делать то, что не осмелишься при свете дня.

Когда Ильхо добрался до пляжа и Тео догнал его, на ходу переправляя косу – вплетая в нее ленту с колокольчиками, что нежно звенели при каждом движении, – на месте уже было полно народу. Кто-то успевал еще искупаться, ведь именно с этой стороны острова был лучший

заход в воду, кто-то разжигал большой костер, стаскивая и ломая сухие ветки, вразнобой наигрывали мелодии, другие же просто шумели, перебрасываясь шутками и с оглушительной радостью приветствуя друзей. Девушки звонко смеялись и порой – то одна, то другая – срывались с места, преследуемые босыми быстроногими парнями, задыхаясь от смеха и азарта погони.

Ильхо не делал важности из своего появления. Он всех здесь знал, все знали его – главное, что в ближайшее время ему будет все равно, кто он и кто они.

* * *

Работа на пролетах кипела. Герцог обошел кузнечно-прессовый цех в сопровождении начальника ночной смены. Нужно было убедиться, что угля хватит до следующей поставки и что к тому времени, как с Большой Земли придут корабли, все машины будут готовы и перепроверены. Но эти вопросы он собирался задать уже цеху сборки.

Механизмы протяжно скрипели, но исправно выполняли свою работу. Начальник ночной смены с привычной местным доброжелательностью докладывал о своевременном выполнении плана. В цеху даже ночью от печей исходил жар, но его рабочие были готовы к подобным условиям. Пот не сильно досаждал им.

Все же эти люди были исполнительнее и послушнее, чем первые, прибывшие сюда в самом начале его ссылки. Не зря он позже отослал прочь всех неугодных.

В своих людях нужно быть уверенным: что они не схалтурят ни на одном из этапов кропотливой работы и что не выдадут его секретов.

Из года в год в условленное время к причалу на островке Встречи, находящемся на расстоянии всего трети морской мили, приходит караван кораблей: одно судно для перевозки груза и обязательно два военных для сопровождения.

Он отправляет им навстречу лодки, груженные готовыми машинами, а в ответ ему пересылают все необходимое, что нельзя добыть на острове: специи, ткани, лекарства, новые инструменты, предметы роскоши и самое важное – сырье и топливо, как для производства, так и для его научных изысканий. Такой вот натуральный обмен. По факту – лишь жалкие крохи. И ведь он может сносно жить и даже творить, но не слишком дерзко. Дерзость и смелость караются цивилизованным обществом.

Герцог удостоверился, что и без него здесь работа спорится, и вышел на свежий воздух, радуясь, что хотя бы под открытым небом жара спала. Ему доложили, что Ильхо прослонулся по Цехам отведенные ему три дня, потравил байки о морских чудовищах, развлекал рабочих своими фокусами и несколько раз с неподдельным интересом выслушал пояснения об этапах производства, но залетавшее ему в одно ухо, как обычно, тут же вылетало из другого.

Мальчишке восемнадцать, а он даже не думает о собственной судьбе. Кто он без своего наследия? Простой оборванец, без знаний, умений и с доской под мышкой.

Но ведь очевидно: парень не глуп. Отнюдь.

Здесь нужен катализатор... И их гостя вполне может сыграть эту роль.

Её появления Герцог ожидал со дня на день.

* * *

Ильхо набил трубку травкой, которой только что разжился у Лута, фермера, поджег тлеющей веточкой, принесенной от костра, и раскурил. Тео наблюдал за ним с беспокойством.

– Не кури эту дурь, потом будет казаться всякое. Лут сам говорил, что у него до сих пор видения, хотя уже несколько дней прошло. Говорит, что видит, что было с ним еще до того, как он на свет появился, и слышит голоса.

Ильхо затаился покрепче и ухмыльнулся, глупо и счастливо. Тео не в курсе, что он уже дважды пробовал и ему нравилось чувствовать, как тело и разум разъединяются и он не знает, где реальность, а где бред затуманенного сознания.

Они сидели в отдалении от плясок, у кромки прибоя, на песке, расслабив спины и вытянув ноги. Ни отсветы пламени, ни тени танцующих не дотягивались до них. Тут было тише.

– Попробуй. – Ильхо протянул трубку другу. Тео помедлил; он всегда был слишком вдумчивым и осторожным, но, наверное, за это и нравился ему, не знавшему порой, где та граница, за которую нельзя переступить.

Все же Тео принял трубку и неумело затянулся, тут же зайдясь кашлем. Ильхо залился смехом, когда посмотрел в слезящиеся глаза друга. Тот захохотал мгновением позже, просто потому что вместе они могли смеяться и вовсе без травки, и для этого им не нужны были особые причины.

Была еще одна вещь, которой Ильхо мог заниматься часами напролет, – это, раскинувшись на песке, заложив руки за голову, глядеть на небо, щедро усыпанное звездами, большими и маленькими, и прорезанное от края до края вздувшейся, словно шрам, окутанной розовой дымкой и переливающейся от лилового к темно-синему туманностью. Сложно на самом деле было определить, какого же она цвета. В разные ночи и под разными углами она могла казаться чем-то одним, а потом менять и цвет, и форму. Но на землю и океан она проливала рассеянный розовый свет, легкий и мерцающий.

Сегодня вид туманности будоражил, словно розовый в ней довлел над сознанием, призывал, требовал. Звезды сверкали под ее вуалью подобно тысячам, сотням тысяч, миллионам глаз, наблюдавших за ним.

– Ты знаешь, что это такое? – Ильхо указал на небо и тут же уронил руку обратно в песок.

– Не-а. – Тео все затягивался, не возвращая трубку.

– На Большой Земле говорят, это облака межзвездного газа...

– Чего? – отозвался друг.

Вообще-то Тео не умел ни читать, ни писать, поэтому не было шансов показать ему ту книгу из отцовской библиотеки, что доставили с последним караваном. Да, Ильхо заглядывал туда иногда, просто от скуки.

– Они далеко-далеко от нас, за пределами нашей планеты.

– Хах, ну ладно! – Тео вновь заржал, но уже совсем не как обычно, а скорее припадочно, и это тоже было весело.

– Думаешь однажды отсюда уплыть? – спросил Ильхо, невольно затаив дыхание, когда приступ смеха отпустил их. – Тебе-то можно. Вам всем можно.

– А зачем? Здесь хорошо. Хороший воздух, и вода хорошая. Есть еда, и есть чем заняться. Что я буду делать на Большой Земле? – Тео махнул рукой: мол, ничего. – Я даже толком и не помню, как там, в мире, живут.

Лежа, Ильхо не видел лица друга, но по интонациям голоса с легкостью мог представить, как то расслабленно.

– Тебе же было десять, когда вы прибыли на остров?

– Не помню... А ты?

– Что я?

– Хотел бы уплыть?

Ильхо молча уставился на туманность. В книге ее называли Туманностью Дракона.

Он бы уплыл, наверное. Он родился и всю жизнь прожил на острове, и мысль о том, чтобы покинуть родной край, и волновала, и пугала. Но Ильхо имел страсть к авантюрам, так что воображение живо нарисовало ему, как он поднимается на корабль.

Не на простой. На «Химеру» самого капитана Руперта, что прибывал на остров время от времени с личными визитами к отцу. У них было какое-то дело, которое они обсуждали за закрытыми дверями отцовского кабинета. Но это было неважно. Важно было то, что «Химера» ходила под солнечными парусами. Единственный в своем роде корабль-небоход...

– Хей? – позвал его Тео.

– Ты же знаешь, нам нельзя.

Тео кивнул.

– Но хотел бы?

Ильхо повернул голову, чтобы посмотреть в темные глаза друга, и кивнул.

Со стороны танцующих, от костра, доносились буйные, веселые выкрики, музыка сделалась бодрее, прибавилось барабанов.

– Пошли!

Ильхо первым подскочил, стряхивая тоску, как песок. Голова закружилась, но это быстро прошло. Тео поднялся медленно, не спеша; он всегда двигался плавно, что было ему на руку, когда они катались на волнах, где его, Ильхо, порывистость могла порой обратиться неудачей.

Они побежали к свету.

Люди вокруг были либо пьяны, либо полностью отдались танцу – уже и не различить. Да и сам Ильхо с головой окунулся в ритм музыки, в голоса поющих, в шум прибоя и треск толстых веток в костре – таком высоком, что человек не смог бы перемахнуть через него, таком жарком, что взгляд опаляло. Отсветы оранжевого освещали толпу с земли, отсветы розового – с неба. Он сам не понимал, как двигается его тело: тому не нужен был разум, чтобы трястись, зарываясь ступнями в песок, чтобы стать одним целым с другими телами, мужскими и женскими, раскачивающимися и извивающимися, без слов чувствующими друг друга.

Можно было даже закрыть глаза и все равно продолжать двигаться – так было даже лучше, и Ильхо уже не знал, куда запропастился Тео...

Но когда он все же приоткрыл глаза, то увидел завораживающую картину. Ближе всего к пламени, словно не боясь ни жара, ни искр, оторвавшись от толпы, танцевала девушка. С наброшенным поверх голого тела куском рыболовной сети. Она танцевала сама с собой и с костром, дразня пламя неосторожными движениями, встряхивая темными волнами мягких волос и быстро, совсем неизящно кружась на месте.

Это вырвало его сознание из забытья. Словно зачарованный: то ли этим дикарским танцем, то ли дурманом травы – Ильхо сделал шаг в сторону костра.

* * *

В этот день Барудо закрыл гончарную лавку поздней ночью. С тех пор как сын отправился искать лучшей жизни на Большой Земле, работы прибавилось. Надо было бы присмотреть себе подмастерья, но тоска по мальчику все время останавливала. Тот даже не поговорил с ним перед тем, как под покровом ночи отплыть к каравану у острова Встречи. Герцог лично передал Барудо, что накануне сын слезно просил выбить ему место на грузовом судне.

А вдруг он вернется? Вот скоро вновь придет караван, и его мальчик объявится в лавке как ни в чем не бывало...

Но это все, конечно, были пустые мечты.

Завтра. Завтра он прямо с утра пораньше отправится к Аурии. Ее дочь давно себе работу подыскивает – надо дать шанс смышленной девушке.

Закрыв дверь на один лишь засов и прихватив с собой флягу с кислым вином, Барудо отправился в свою хижину.

С единственной улицы их городка, пролегающей вдоль берега, открывался вид на океан. Нужно было пройти всего несколько домов и подняться на скалистый холм по крутой тропинке – и он уже дома. Но Барудо отчего-то захотелось побыть под открытым небом и допить вино, глядя на сизые волны.

Он не свернул в сторону хижины, а спустился вниз, к каменистому берегу, где нашел валун поровнее и уселся на него. Грустно пить в одиночестве, а так хоть прибой говорит с ним.

Во фляге оставалась пара глотков, когда Барудо заметил движение в воде. Он напряг зрение, силясь разобрать, не показалось ли ему. В самом ли деле что-то черное барахтается в темных, с розовыми бликами на гребешках, волнах? Или это просто прибитое к камням бревнышко?

Но движение повторилось. Теперь уже сомнений не было.

Барудо забеспокоился. Что, если кто-то молча тонет прямо возле берега, не в силах найти ногами дно и ухватиться за скользкий камень?

Но стоило ему подняться на ноги, как темная фигура утопающего одним рывком уверенно приблизилась к берегу, словно в мгновение обнаружив лазейку между камнями, и оказалась совсем рядом, стоя по грудь в воде.

Барудо охнул и пьяно покосился. В бледно-розовом свете на мокрой, вздувшейся пузырями черной коже играли яркие блики. Глаз было не видеть.

Существо издало короткий нечеловеческий крик, раззявив пасть – будто голова раскололась пополам, – а затем рывком выбросилось на берег и поползло по камням, быстро и ловко перебирая руками. Прямо к нему.

Барудо попробовал отступить назад, но сразу же споткнулся о валун и беспомощно растянулся на спине. Он весь онемел от страха. Его крики о помощи были лишь жалкими пьяными стонами, тонущими в плеске волн. За считанные секунды распухшая, ни на что не похожая голова оказалась у его ног. Острая боль от укуса пронзила колено; он завопил, и неистовая сила поволокла его в океан.

Барудо изо всех сил цеплялся за камни, но пальцы соскальзывали с илистой поверхности. Лишь оказавшись наполовину в воде, он сумел ухватить небольшой булыжник и, захлебываясь соленой водой, как следует тяпнул тварь по голове.

Ногу отпустило, волна словно слизала существо; рану обожгло солью, и он, не успев отдышаться, пополз обратно.

Когда он все же преодолел каменистый берег и выкинул свое тело на редкую травку, сознание поплыло окончательно...

* * *

Она сразу же заметила его, хотя до этой секунды, казалось, видит перед собой лишь пляшущее пламя и ничего кроме. Но девушка так лукаво улыбалась, когда Ильхо приблизился, чтобы поймать её и танцевать с ней, точно это она его поймала.

Дикарка танцевала словно только для себя, но при этом обнимала его за шею. Его пальцы соскальзывали в просветы между узлами нитей ее наряда, и Ильхо то и дело касался пальцами ее голой кожи.

В её взгляде читалось не только ребячливое веселье, но и неясный вызов и решимость. Наверняка он уже где-то встречал её; Ильхо хотя бы раз видел каждого жителя острова. Оттого её лицо казалось ему знакомым...

Позже она потащила его в сторону воды. Ильхо охотно бежал за ней; он вообще плохо соображал, что происходит.

У самого прибойя незнакомка сбросила с себя сеть и бросила в него – Ильхо отшвырнул ту на песок, наблюдая, как девушка заходит в воду. Здесь, вдали от костра, при свете туманности, ее кожа казалась бледной. Она тут же окунулась и вынырнула.

Воды на этом пляже всегда были спокойными и не годились для досок. Они едва ли доставали ему до груди – и так на полсотни метров от берега, а дно здесь было мягким, песчаным – идеальным для купания. Ильхо и сам любил купаться ночью, поэтому, скинув рубашку, поспешил навстречу низкой волне, разбившейся у его икр.

Девушка хитро прищурилась, поджидая его, не двигаясь. Ее грудь лишь наполовину была скрыта в воде. Странно, что они до сих пор и слова друг другу не сказали, но говорить совсем не хотелось.

Ильхо поцеловал её. Он хотел, чтобы получилось неспешно, с чувством, а вышло порывисто и смазано. Голова кружилась, ощущения казались размытыми, будто удовольствие доносилось до тела откуда-то издалека.

Поэтому, когда в его нижнюю губу вонзились зубы, не понарошку – взаправду, Ильхо вскрикнул с запозданием. Он оттолкнул её, но незнакомка и сама отскочила в сторону, с торжеством во взгляде сплевывая его кровь.

– Сначала женись, дубина! – ехидно выпалила она и рассмеялась.

Он кинулся на нее, но девушка лишь взвизгнула и нырнула в воду. Ильхо сморгнул осоловело: он был уверен, что заметил мельком большой рыбий хвост, обдавший его брызгами напоследок.

Тело больше не ощущалось как свое, и в таком состоянии, то и дело оглядываясь на воду, Ильхо побрел к берегу, где подобрал кусок рыболовной сети.

Глава 3

Нутро корабля стонало и стонало. Кай подозревал, что, даже сойдя на землю, он по ночам будет слышать этот скрип. Равно как и чувствовать качку. Но всё же ему было легче, чем сестре.

– Поднимись на палубу. Сможешь подышать свежим воздухом.

Кайя посмотрела на него несчастным, недовольным взглядом. К её чести – она справлялась с путешествием лучше, чем он предполагал. Сестра мотнула головой и откинулась обратно на расшитые цветные подушки. Давно он не видел её такой растрёпанной.

– Нет, – простонала она, закрыв лицо рукой. – Там матросы.

Кай опустился на обитое выцветшим уже шёлком сиденье возле окна. У Кайи была лучшая каюта. Впрочем, как и у него.

– Глупости. Матросы тебе и слова не скажут. Там мои люди.

– Но это отребье всё равно пялится.

Кай вздохнул. Да, команда не блистала интеллектом или манерами, зато путешествие проходило гладко, и даже в непогоду экипаж не подвёл. Но он знал, как поднять сестре настроение.

– Капитан говорит, прибудем со дня на день. Ты как?

Кайя нашла в себе силы сесть на край кровати.

– Не жалеешь, что не взяла с собой камеристку? Или хотя бы компаньонку.

По сестре видно было – жалеет, но ни за что не признается.

– Не волнуйся, к прибытию я приведу себя в порядок.

Вот и показался первый проблеск. Она откинула чёрные волнистые, как и у него, волосы за спину, приосанилась.

– Как, ты думаешь, нас встретят? – её глаза сверкнули.

– Надеюсь на тёплый приём. Хотя отец предупреждал, что Герцог – чужак.

– Но его сын – нет, – и вот Кайя уже обольстительно улыбалась, – не для него, конечно же, а для того, кто вскоре должен был ощутить всю силу её изысканного обаяния. У их путешествия была вполне конкретная цель, а Герцогов отпрыск, Ильхо, был призом, который Кайя надеялась попутно заполучить.

– Так зачем он тебе?

– Он богат.

– Все, кто увивается за тобой, богаты.

– Говорят, он хорош собой.

– Кайя. – Он посмотрел укоризненно, призывая её быть откровенной.

– Не знаю. – Она напустила на себя неприступный вид, как делала, когда хотела чего-то просто так, капризно и беспричинно.

Это не могло не вызывать улыбку. Кай знал свою сестру лучше, чем она сама себя знала. С того самого момента, как отец решил отправить их в это путешествие, Кайя не прекращала думать о том, как устроит своё счастье.

Дело было вовсе не в Ильхо. Не в его состоянии, которое – если уж продумывать всё до конца, – было вовсе не его, а Герцога, а сын вряд ли мог рассчитывать на что-то до смерти родителя. И не в его простом, слегка дикарском обаянии, о котором порой рассказывали те купцы и вельможи, которым удавалось лично нанести визит Герцогу и его семье, а не просто полюбоваться Коралловым островом издалека.

Конечно же, дело было в той будоражащей умы вот уже не первый десяток лет городской легенде, что разлетелась по всей Большой земле. Дело было в истории самого Герцога, в том ореоле таинственности, что окутывал его мрачную фигуру, в том, что до сих пор не утихали разговоры...

Кайя хотела привезти Ильхо как трофей и демонстрировать его в модных салонах, чтобы все восхищённо ахали и хотели непременно заполучить её внимание. Чтобы у неё было то, чего не было ни у кого. Только подумать, какую славу и какое влияние она могла бы тогда снискать.

А ведь Ильхо мог к тому же оказаться полезен. Ходили слухи, что он не в ладах с собственным отцом. И вот почему Кай был совсем не против авантюры сестры.

* * *

– Сильнее, Тео!

– Ильхо, забирайся и сам попробуй.

– Но ты уже там!

– Осторожно! – вскрикнул из-под кроны Тео.

Рядом с глухим стуком упал огромный спелый плод, шмякнувшись одним боком о землю, но не разбившись. Ильхо с запозданием сообразил, что эта штукавина могла проломить ему голову, но оттого лишь разогналась кровь и веселье сделалось отчаяннее.

– Тео! Ты меня чуть не убил!

– Поберегись! – заранее предупредил на этот раз друг.

Теперь Ильхо был наготове; на землю ещё несколько раз падали большие, тяжёлые, словно камни, плоды. А потом спрыгнул и сам Тео. Сегодня он оплёл косу вокруг головы.

Утренний лес ещё хранил прохладу, что ключьями тумана висела тут и там над сплошным зелёным ковром, и море издалика казалось сизым. День обещал выдаться душным и пасмурным. К пению птиц и шуму водопадов, скрытых в лесу, примешивались едва различимый скрежет и тархтение – это работали по ту сторону скалистого холма Цеха.

– Налетай! – сам себя пригласил Ильхо и подобрал первый плод.

Спелость выдавала потемневшая, багровая кожура. Она была толстой, её приходилось взрезать ножом – но так, чтобы не вытек сок...

– Вот дьявол!

– Ильхо...

Но дразнящий обещанной спелостью сок уже тёк по предплечьям. Тео толкнул его в плечо, пытаясь отобрать плод, чтобы всё сделать правильно.

– Я сам! – упрямясь, сквозь смех выдавил Ильхо, вцепившись во вспоротый фрукт, – он уже видел налившуюся оранжевой мякотью. Каждый из всех сил тянул на себя.

Плод лопнул в сильных руках, остатки сока и ошмётки мякоти брызнули в стороны, часть их угодила им прямо в глаза. Ильхо отлетел назад и с размаху шлёпнулся наземь; Тео же удержался на ногах.

Ильхо сел, посмотрел на разорванную кожуру в руках, на заливающегося смехом друга, а потом выскреб, сколько смог, мякоти и запустил тому прямо в лицо.

После, перемазавшиеся, но наевшиеся, они бежали к единственному на острове пресному озерцу, чтобы сполоснуться. Их безудержные крики неслись вперёд, по склону холма, распугивая птиц и мелких животных.

* * *

Мартия не была уверена насчёт рыбы. Экономка сказала брать только лучшую. А повара велела взять ту, что будет. С одной стороны – поварахи она боялась больше, но экономка ведь переживала за приём гостей...

Она подняла тушку с крупной, переливающейся, словно монеты, чешуёй и осмотрела её от хвоста до головы, и даже жабры проверила.

– Да утренняя эта, утренняя, – усмехнувшись в усы, отвечал седой моряк. – Только вылови. Хоть самому Герцогу на обед подавай.

Но Мартия не позволила заговорить себе зубы. Хоть она на кухне работала всего ничего, а свои обязанности выполняла исправно.

– Герцогу-то что. Он, наверное, воздухом и солнцем питается, так мало ест. И совсем неприхотлив. Вот его сестре угодить – это задача. А сегодня ещё к тому же в замке гости.

– Знаем, – с улыбкой ответил рыбак. – Как раз когда с моря возвращались, мимо Острова Встречи проходили, видели корабль. Но не торговый. Торговый караван позже должен быть.

Мартия кивнула. Значит, и впрямь чужаки.

– Скажи честно, какая лучше?

Рыбак сам отобрал ей несколько рыбин – крупных, серебристых, почти драгоценных на вид.

– Вкуснее рыбы они ещё не пробовали, – пообещал ей старик, и Мартия по глазам поняла, что не врёт. Да и вообще, не принято было врать на Коралловом острове.

Она нагрузила разнорабочего снедью – не только рыбой, но и свежими фруктами, травами, овощами и орехами, – и отправила в замок. А самой ей нужно было заглянуть в бар к Аурии за лучшей самодельной настойкой из двенадцати трав и трёх фруктов. Тётя Аурия называла её «Поцелуем русалки» и никому не давала рецепта.

Хорошо было прогуляться по городку: запах еды, мирный разговор, стук инструментов – вот что сопровождало её от дома к дому. Ремесленники трудились прямо на улице, пищу готовили тоже на улице и даже дремали в перерывах от работы – под открытым небом, в гамаках или на лежаках, устроенных под деревьями возле домов.

– «Поцелуй русалки», – потребовала Мартия, предъявив запрос из замка с печатью самого Герцога, и Аурия – немолодая уже женщина с чёрными жёсткими волосами с редкой проседью и удивительно гладкой для своего возраста кожей – вытащила из подпола три большие пыльные бутылки темно-зелёного стекла.

– Как заказывали! – весело сказала она, сгружая настойку ей в корзину и похлопывая по плечу. – А может, хочешь воды с лимоном? Ты выглядишь уставшей, девочка моя.

Мартия согласилась. К полудню воздух сделался ужасно влажным и душным – нечем было дышать. А в замке и без неё пока обойдутся, ближайший час так точно.

Она присела за один из столиков в тени навеса и с благодарностью приняла деревянную кружку с прохладной водой. Может быть, до самого позднего вечера у неё не будет больше возможности перевести дух.

– Привет!

Этот звонкий, чистый голос она не могла спутать ни с каким другим. Мартия оглянулась и увидела Этерь, что спешила по улице в сторону бара, попутно перебрасываясь приветствиями и добрыми словами с ремесленниками.

– Ты здесь! – Этерь наклонилась и тепло обняла её, прижавшись покрепче. – Как я рада! А я думала, мне придётся добираться до замка, чтобы с тобой повидаться.

– Я здесь по делу – закупаюсь к ужину.

Мартия ещё не знала, как относиться к их дружбе, что вспыхнула так внезапно, без лишних слов.

Этерь опять была одета в мужское. Её пышные волосы сегодня были заплетены в мелкие косички, и оттого лицо казалось ещё светлее и моложе.

– Этри, – ласково приветствовала её тётя Аурия. – Хочешь воды?

– Несите! – согласилась девушка, упав на стул и хлопнув ладонью по столу, как делали иногда мужчины, требующие добавки, чем рассмешила и саму хозяйку, и ремесленников, работавших неподалеку.

– Так что, в замке событие? – с блеском зелёных глаз спросила Этерь.

– Гости с Большой земли, – торжественно подтвердила Мартия.

Подруга сощурила глаза. Мартия забеспокоилась, не совершит ли та опять какую-нибудь безрассудную выходку, навряд ли, что она выкинула с Ильхо на днях. Подрались с Герцого-

вым сыном... Только подумать! Она потом спать не могла, так волновалась, не выйдет ли им боком это «приключение», а вот Этерь совсем не заботилась о последствиях.

– Даже не думай, – понизив голос, произнесла Мартия предостерегающе. – Что бы ты там ни обдумывала – забудь. Мне хватило и прошлого раза.

– Да брось! Ты всё ещё переживаешь? – Этерь откинулась на спинку, обхватив угол локтём, забросив ногу на ногу. И откуда в ней были все эти повадки? Мартия и сама порой забывала, что подруга – никакой не мальчишка. – Он даже не понял, что я девушка.

– Ты его ударила. А вдруг он обо всём рассказал отцу?

– Я бы на его месте о таком помалкивала. Тем более что недавно мы танцевали.

– Что?.. Когда?

Мартия не могла не встрепенуться. Тётя Аурия принесла Этерь воды, и та с наслаждением сделала первый большой глоток, заставляя её томиться по подробностям.

– Он глаз с меня не сводил, клянусь тебе.

– О ком вы говорите? – добродушно поинтересовалась хозяйка.

– Ни о ком...

– О Герцоговом сынке, – не таясь, ляпнула Этерь, и Мартия вся сжалась внутри. Не нужно бы о таком трепаться.

– Ах, об Ильхо, – с теплотой в голосе протянула женщина.

– Об его заносчивой заднице, – отпив ещё, подтвердила подруга, чем только рассмешила тётю Аурию.

– Ильхо – хороший мальчик, – заметила та. – Всегда мне нравился.

– Не понимаю только чем... – проворчала подруга.

Хозяйка, смеясь и качая головой, отошла к прилавку.

– Не болтай со всеми об этом! – возмутилась Мартия.

– А что такого? Чего ты лебезишь перед этой семейкой? Подумаешь, богатеи...

– Дело не в этом! Они – уважаемые люди.

– Мы тоже уважаемые люди.

Мартия устала спорить и замолчала. Она никогда не думала, что ничем не хуже господ, – мысль эта и сейчас казалась ей почти крамольной. Слова послушания были будто нашёптаны ей ещё до рождения. А вот Этерь пыталась расшатать устои их спокойной, безоблачной жизни. Именно поэтому Мартия иногда и не понимала, как относиться к своей новой подруге и что думает о ней.

– Тётя Аурия! – прокричал кто-то, и они обе заозирались по сторонам. К бару приближались трое мужчин: двое тащили одного, что поджимал ногу и еле поспевал отталкиваться другой от земли.

– В чём дело?

– Тут Барудо. Раненный.

– Так зачем вы тащите его ко мне? Несите к Герцогу!

Тётя Аурия вышла из-под навеса и упёрла руки в бока.

– Что с тобой случилось, Барудо?

– Меня... Меня морской дьявол покусал... – слабым голосом ответил тот, в ком Мартия узнала местного гончара.

– Таки сам морской дьявол? – Тётя Аурия сощурила глаза. – Собственной персоной?

– Мы нашли его на берегу, без сознания.

– Вот! – продемонстрировал свои увечья Барудо, приподнимая повыше правую ногу с закатанной до колена штаниной.

Хозяйка склонилась и с сомнением произвела осмотр. Мартия привстала, с любопытством вытянув шею; Этерь так и вовсе сунулась к пострадавшему, уткнувшись в ногу с другой стороны от Аурии.

- Одни дырки... А кровь где? – сердито поинтересовалась та.
- Так это... от соленой воды затянулось.

Тётя Аурия тем временем выпрямилась, чуть не уперев внушительную грудь, обтянутую ярко-зелёной, с домашней вышивкой, тканью, в грудь Барудо, и потянула носом воздух.

- Да от тебя несёт!
- Неправда.

– Правда-правда. – Аурия принохалась ещё раз. – Ты напился вчера!

– Ничего подобного! – Барудо попытался отстраниться, но его всё ещё поддерживали под руки, и он едва не упал. – Выпил не больше обычного.

Хозяйка рассмеялась и отступила.

– Так и зачем вы его ко мне привели? Ему нужно отоспаться, а то, поглядите, уже всякая нечисть мерещится.

- Так мы думали... – замялся один из мужчин, – вы ему водки плеснёте. Чтобы отошёл.
- Ещё чего! Давайте ведите его отсюда.

– Я клянусь, я его видел. С кожей, покрытой чёрными язвами, и зубами словно лезвия!.. Аурия лишь покачала головой, сложив руки на груди.

– И куда нам его? – подал голос второй мужчина. – Нам работать пора.

– Давайте я его провожу! – Этерь тут же отёрла Лута в сторону, подхватывая изумлённого Барудо.

– А тебе не тяжело будет? – забеспокоилась Аурия.

– Я сильнее, чем кажусь, а веса в нём всего ничего.

– Ну смотри.

– Кто ты, славный мальчик? – спросил старик.

– Мальчик? – возмущённо вскрикнула Этерь, а потом вытянула вперёд одну ногу, демонстрируя свою икру и босую грязную ступню, не теряя при этом равновесия. – Разве у парней бывают такие ножки?

Взгляд Барудо потеплел.

– Хорошо. Пошли, девочка.

* * *

Полуденное солнце прогрело воздух даже сквозь пелену облаков. Что же здесь творится, когда небо безоблачно? На палубе было тихо, хоть их и выбралась провожать, кажется, вся команда. И капитан стоял тут же, отбрасывая тень, в которой Кай мог бы, пожалуй, укрыться целиком.

– Почему так долго? – воскликнула сестра.

Она уже не выдержала и опустила кружевной зонтик. На ней был причудливый, по меркам цивилизованной моды, наряд – из красного струящегося шёлка, расписанного птицами и цветами, – он запахивался, как халат, поверх нижнего платья. Кайя настояла, чтобы и его дорожный костюм был пошит в тех же цветах, правда, из более плотной ткани.

«Мы должны представлять единую силу, – говорила она, совершая приготовления к путешествию. – Только так мы добьёмся успеха».

Кай был с ней согласен.

Сестра была права: моряки пялились на неё. Особенно теперь, когда за ними вот-вот должны были прислать. Его люди, не менее вымотанные долгим ожиданием да и самим путешествием, всё же не теряли бдительности, всегда держась поблизости. По возвращении домой Кай собирался щедро вознаградить наёмников.

– Это неучтиво, – прошипела сестра ему на ухо. Они были почти одного роста, и ей это не составляло труда. – Нас выставляют на посмешище.

– Терпение и ещё раз терпение, – ответил Кай, понизив голос. – Не забывай, что большой мир остался далеко позади. Теперь мы сами по себе. И мы здесь не ради учтивости и светских манер, если уж на то пошло.

– Ты не прав. Как мы заявим о себе, так к нам и будут относиться. В конце концов, они тоже аристократы, им известны правила.

– Я бы не был так уверен.

– Вон там! – наёмник указал куда-то в сторону водной глади, отделяющей остров Встречи от Кораллового острова. – Плывут!

Кай и сам теперь видел.

– И это всё? – Кайя подалась вперёд, к самому борту, всматриваясь вдаль. – Они издеваются?

Кай тяжело вздохнул. Он тоже был обескуражен: к ним плыла одна-единственная лодка. С одиноким гребцом.

– Как это понимать? – без приветствий крикнул он сверху вниз, стоило лодке стукнуться о бок корабля.

– Герцог приветствует гостей и приглашает вас ступить на свой остров! – прокричал в ответ сухонький человечек, одетый как простолюдин.

– Как мы все поместимся туда? – выкрикнула сестра разъярённо.

– Лодка рассчитана на двух пассажиров, – с доброжелательной улыбкой заметил гребец. – Я вас мигом домчу до берега.

Кайя истерично рассмеялась.

– А как же наши люди? – возразил Кай.

– На остров могут высаживаться только гости Герцога. Больше никто. Вас обеспечат всем необходимым, в том числе прислужгой.

– Это же бред! – Кайя обратила к нему беспомощный, разгневанный взгляд.

– *Сестрица*, – пришлось произнести с нажимом, – давай воспользуемся гостеприимством Герцога.

Сестра прожгла его взглядом тёмных, таких же как и у него, глаз.

– Раз ты настаиваешь, – процедила она сквозь зубы.

– ... А как же наш багаж? – спохватилась она, когда они не без неприятностей спустились по верёвочной лестнице и разместились в лодке, что беспокойно покачивалась на волнах.

– Его доставят в течение дня, – «успокоил» их добродушный человечек и принялся очень резво и сноровисто для своего телосложения грести в сторону Кораллового острова, окутанного лёгкой дымкой тумана.

Кай вслед за сестрой обратил взгляд к месту, о котором так много слышал. Что из этого правда, а что выдумки – ещё предстояло узнать.

Словно прочитав его мысли, Кайя спросила:

– Думаешь, это правда?

– Что именно?

– Что он пытался пересадить сердце живого человека одной из своих машин. За это его сослали?

Кай бросил взгляд на гребца, но тот и бровью не повёл: наверное, не первый раз слышал подобные байки.

Только немногие, в том числе сам Кай, знали, что это было правдой.

* * *

– Так откуда ты, девочка?

Барудо устало опустился на табурет. Этръ уже суежилась в его лавочке: отпускала редким покупателям товары, налила ему воды.

– Я ищу отца, – ответила она уверенно. Даже в полумраке под навесом прозелень в её глазах точно искрилась.

– Ты ж нездешняя.

– Я приплыла с прошлым караваном. Наверное... Закавыка в том, что мне нельзя было просто высадиться на остров: у меня не было при себе документов. Поэтому в ночь перед отплытием я прыгнула в море и добралась до острова вплавь.

При этих её словах Барудо обмер – уж слишком живы были в памяти события ночи.

– Но мне не повезло. В темноте я не различила волнорез – а может, обыкновенную скалу, – и волна ударила меня о камень. Я потеряла сознание. Меня чудом вынесло на берег, а утром меня нашёл Руго, священник. Это то, что я помню.

– А как ты оказалась на судне без документов?

Этрь нахмурилась, но даже это выражение не портило её красивое лицо.

– Переделалась мальчишкой! – нашла она вдруг и рассмеялась. – Это похоже на меня.

– Верно, – усмехнулся Барудо.

Вот как бывает. Его сын сбежал, отправившись на Большую Землю, отца бросил. А Этрь объявилась здесь, безрассудно преодолев волны в ночи, в поисках отца...

– Хочешь стать моим подмастерьем?

– Серьёзно? – обрадовалась девочка. – Возьмёте?

– А почему нет? Ты кажешься смышлёной и не боишься трудностей...

– Я с радостью, – перебила она его. – Мне нужно дело.

– А где ты живёшь?

– В часовне. Священники очень добры ко мне. А я помогаю им, чем могу.

Сердце Барудо оттаяло: наконец-то он перестал чувствовать сковывающий, леденящий ужас прошлой ночи. Даже тоска по сыну на мгновение отступила.

– Ну? – натянув на голову красную повязку, выуженную из кармана шаровар, и подбоченившись, деловито спросила Этрь. – Когда вы будете меня учить?

– Вряд ли я сегодня на что-то гожусь. Приходи завтра...

– Нет, нет. Так дела не делаются! И вам же здесь нужна помощь...

– Дядя Барудо! – донеслось издалека. – Это вы про морского дьявола рассказываете?

Барудо отдернул край занавески и посмотрел наружу. Это были местные шалопаи: Ильхо и его верный спутник, Тео. Они все были мокрые, и с волос капало в пыль под ногами – наверное, шли с озера.

Барудо улыбнулся. Ильхо-то наверняка выслушает его и не будет высмеивать, не назовёт пьяницей.

Но тут мальчишка застыл как вкопанный, уставившись на Этрь.

– Ты! – недовольно произнёс он, словно одним своим присутствием она оскорбляла его.

Девушка поглядела на него в ответ без капли страха или непонимания.

Через мгновение Ильхо бросился вперёд. Этрь взвизгнула и юркнула к заднему выходу из лавочки, на бегу сбив те горшки, что были подготовлены к обжигу. Мальчишка тоже не подумал притормозить и расколотил оставшееся. По ту сторону тонкой стенки его сандалии зашуршали по песку и камешкам, всё дальше унося хозяина; до слуха доносились выкрики: «Стой!» и «Гадёныш!»

– Что происходит? – ошалело поинтересовался Барудо у спокойного и безмятежного, как всегда, Тео.

– Он его колотить будет, – как ни в чём не бывало пояснил парень. – Ильхо давно его искал.

– Его? Но это она, а не он.

– О, – только и ответил Тео, растерявшись. – Тогда мне нужно разнять их.

Отжав косу, он припустил вслед за другом, на счастье Барудо, обогнув лавку.

Глава 4

– Больно я тебя?

– Больно. – Хмуро глянув, девчонка утёрлась своей повязкой. У неё на лбу налилась шишка, а на губе красовался кровоподтёк.

– Ты меня тоже приложила, – напомнил Ильхо, потирая то место, куда она запустила камнем – размером с кулак, не меньше. И он ещё чудом увернулся, ведь она целилась в голову.

Тео, подоспевший как раз к тому времени, когда они, сцепившись, начали сыпать друг на друга удары, бродил поодаль, зарываясь босыми ступнями в песок. Делая вид, что ничего вроде как и не случилось, но склоняя голову и хитро шурясь при взгляде на них.

Они так и топтались там, где Ильхо догнал его... её, – за окраиной городка, у журчащего ручья, берущего начало в озере и впадающего в море. Но, прежде чем чистые, прохладные воды устремлялись к океану, они наполняли чашу – искусственно вырытое и выложенное плоскими камнями углубление, откуда местные брали воду на свои нужды.

– Как тебя зовут?

Опять натянув на голову повязку, она посмотрела на него так, словно раздумывала, достоин ли он того, чтобы ему назваться.

– Этерь.

– Этръ?

– Что?

– Что за имя такое? Никогда не слышал.

– Много ты слышал в своей жизни! – скрестив руки на груди и чуть отставив в его сторону ногу, насмешливо отозвалась она.

– Может, Этерия? – не унимался Ильхо. Это имя всплыло в памяти из позабытой детской сказки, но, если так, он поищет в библиотеке – вдруг та найдётся.

– Может быть. Звучит, будто я какая-то фря из господ.

Этерь задрала нос и прошлась, показушно важничая, от него до Тео; тот рассмеялся. Ильхо и сам готов был захохотать: он ума не мог приложить как, но выражение лица у неё в этот момент было точь-в-точь как у его тётки.

Но что-то не давало ему покоя, крохотная заноза в мозгу. Теперь, когда он знал, что она не мальчишка, кажется, он начал...

– Это ведь ты была?!..

Этерь обернулась. Ну точно – она! Теперь одно к другому складывалось: и черты её лица, и то, как она двигалась, – свободно, как те дикие кошки, которых он встречал в лесу.

– Где была?

– Ночью на пляже.

– Я много где бываю – я свободный человек.

– Да ведь ты русалка! – не сдержался Ильхо, подскочив к ней.

Этерь обидно рассмеялась, и не так, как смеялись девушки, которых он знал, а скорее так, как ржал порой Тео, – беззастенчиво и во весь рот.

– Русалка? Ты от жары, что ли, рассудка лишился?

– Нет, я видел... – Но Этерь уже всплеснула руками и пошла прочь. – Постой!

Он кинулся за ней.

– Ильхо, мне работать пора, мой старик меня и так за отлучку убьёт! – крикнул ему вслед Тео.

Ильхо на бегу подал другу знак идти по своим делам, а ему было впору ускориться: Этерь даже шагом двигалась удивительно быстро.

* * *

Провожатый привёз их к маленькому причалу у подножия замка, что возвышался на скалистом выступе. От причала вверх вела крутая, петляющая по склону лестница, оборудованная перилами для удобства, – без них им пришлось бы нелегко. Кайя, бросая взгляд вниз, каждый раз замирала в ужасе и крепче сжимала металлический поручень.

Каменные ступени, которые, кажется, были вытесаны в самой скале, привели их на ровную площадку. От неё начиналась мощёная дорожка ко входу в замковые владения.

Вокруг было как-то захолустно. Кая не покидало ощущение даже не провинции – глухой деревни. Хотя иного было глупо ожидать.

– Знаешь что-нибудь об этом замке? – спросил он сестру. После подъёма она дышала с трудом, и с облегчением схватилась за его руку, когда он предложил ей помощь.

– Только то, что уже ненавижу его за вздорность хозяина.

– Его построил архитектор по имени Тео два с половиной века назад. У него была мечта – проект, который он не мог себе позволить осуществить на службе у королей и богачей. Ни один из его заказчиков не хотел рисковать и вкладывать деньги в подобный замысел. Тогда Тео, скопив небольшое состояние к пятидесяти годам, выпросил себе у короля этот безымянный, бесполезный кусок земли вдали от материка и отправился сюда, чтобы воплотить в жизнь ту идею, которой был одержим.

– И что же, господин, он построил его в одиночку? – подал вдруг голос провожатый, сверкнув белоснежной улыбкой на смуглом от загара лице. Мужчина, казалось, проявил неподдельный, но в меру учтивый интерес.

– Нет, конечно, нет, – великодушно пояснил Кай. – Первое время ему помогали наёмные работники, что прибыли с ним. Пока у него были деньги. Но спустя несколько лет он остался один. Однако Тео не бросил своё творение. Он продолжал строить до самой старости. Говорят, он умер, заканчивая внутреннюю отделку стен. Так его и нашли, если верить записям в судовом журнале одного корабля, спустя не менее полувека, умершим за работой.

– Это чудесная история, господин, – отозвался провожатый – его единственный слушатель, потому как сестра явно не выказывала никакого интереса ни к здешним местам, ни к их истории – только усталость и глухое раздражение.

Её можно было понять: его рубашка тоже была мокрой от пота.

– Злая ирония: лучшее творение Тео при его жизни так и не увидела ни одна живая душа. Но, может быть, ему и не важно было признание. Поэтому, когда Совет решал судьбу Герцога, этот остров подошёл как нельзя кстати, ведь даже замок на нём имелся.

– Когда нас встретят? – подала голос Кайя.

– Хозяин, с семьёй и прислугой, уже ждёт вас во внутреннем дворе, – отвечал сухонький человек.

– Прелестно, – мрачно заметила сестра, склонившись к плечу Кая. – Не перед воротами, а во внутреннем дворе.

– Здесь нет ворот, – ответил Кай, хоть ему и самому было не по душе всё, начиная с прибытия.

– Но есть арка.

Арка и впрямь виднелась впереди – словно белый камень оплавился от здешней жары, потёк да так и застыл под дуновением свежего ветра с моря.

– Но мы же не будем делать из этого скандал? – понизив голос, уточнил он.

Кайя тут же подобралась и ответила более чем спокойно:

– Разумеется, нет.

За аркой им открылся фруктовый сад, а следом, за одним из поворотов дорожки, показался замок.

– Ты видела когда-нибудь подобную красоту?

И остров, и замок на нём называли Коралловым – теперь Кай понимал почему. Белый, как песок на здешних пляжах, камень и впрямь выглядел словно коралл. Весь из плавных, округлых линий, с витражами, что узорами напоминали крылья стрекоз, с башней, что казалась плодом трудов скорее невероятных гигантских насекомых, которым было под силу проточить в твёрдой породе ходы-окна, нежели человеческих рук. Строение размерами небольшое по меркам остального мира, но оттого не менее изумляющее своей красотой.

С трудом даже верилось, что простой смертный мог в одиночку закончить строительство чего-то настолько изящного. Ходила в свете легенда, что Тео попросил помощи у моря и земли под его ногами, и те возвели замок по задумке архитектора из пены и песка. Теперь Кай не считал её такой уж глупой; при взгляде на замок он понимал, как уместно это сравнение, ведь тот идеально вписывался в местный пейзаж, будто поднялся когда-то вместе с островом из-под океанских вод.

Он так залюбовался, что не сразу заметил людей, что поджидали их перед ступенями, поднимающимися на террасу. Зато Кайя была бдительна: она отпустила его руку и подняла над головой зонтик, чтобы предстать перед хозяевами со всем достоинством и превосходством. Даже походка её сделалась легче.

Немногочисленные слуги выстроились рядком, и, хоть все они были приезжими с Большой земли, казались похожими друг на друга цветом кожи и оттенком тёмных волос, словно солнце и просоленный воздух за годы жизни здесь сделали из них один народец.

Зато семья на их фоне выделялась не только одеждой, но и светлой кожей: трое стояли впереди, приветствуя гостей, – мужчина и две женщины.

Фигура Герцога приковывала взгляд. Немолодой уже мужчина, ростом выше среднего, худой, но крепкий с виду, с седыми волосами, с глубоко посаженными, пронзительно светлыми глазами, низкими прямыми бровями и жёсткой линией тонких губ. Он был одет по-простому: никакого пиджака или куртки, только серый жилет поверх рубахи, рукава которой были закатаны и оголяли крепкие жилистые предплечья; на кистях виднелись следы плохо смытой глины.

– Рад видеть вас на Коралловом острове, – в меру доброжелательно поприветствовал их он. – Окажите нам честь, будьте нашими гостями.

Его губы растянулись в сдержанной улыбке, но глаза глядели холодно. Кай подал Герцогу руку, засвидетельствовав крепкое рукопожатие.

– Мы с удовольствием примем ваше приглашение.

– Позвольте познакомить вас с моей семьёй.

Герцог представил им свою сестру Регину – женщину с недовольной, брезгливой миной на лице. Это выражение не могла сгладить даже очень фальшивая, чрезмерно льстивая улыбка.

А затем им была представлена её дочь, девушка по имени Лолли. Симпатичная, белокожая, тоненькая, но с абсолютно глупым, растерянным взглядом. Она захлопала от удивления ресницами, увидев его, и Каю сделалось чрезвычайно неловко: так неумело с ним ещё ни разу не флиртовали. Он поторопился представить хозяевам Кайю.

Его сестра и на Большой земле до сих пор вызывала ажиотаж в свете, что уж было говорить об этом Богом забытом месте. Герцог продолжал смотреть холодно, но, как Кай уже понял, это был его взгляд на все случаи жизни: как для близких, так и для чужаков. Зато сестра Герцога и её дочь невероятно оживились, стоило им слышать мягкую, плавную речь его сестры и убедиться в утончённости её манер. Отец был прав, Кайя была их лучшим оружием. Даже слуги принялись перешёптываться.

– Пройдёмте внутрь, – рассыпалась в любезностях Регина. – Вы, должно быть, устали и проголодались. Мы уже накрыли для вас стол с винами и деликатесами, не хуже чем на Большой земле.

«Сомневаюсь», – прочитал Кай во взгляде сестры, но вслух она произнесла другое:

– Мне не терпится попробовать местную кухню! Но, дорогой Герцог, я не вижу здесь ещё одного члена вашей семьи. Где же ваш сын? Почему он не встречает нас?

Регина тут же переменялась в лице. Кай и это подметил: она уже очень давно была недовольна племянником.

– Ильхо будет позже, к ужину, – заверил без всякой заминки Герцог. – У него много... дел на острове.

Едва заметный вздох разочарования, сорвавшийся с уст хозяина замка, не ускользнул от внимания Кая. Что ж, кажется, этот Ильхо и в самом деле тот, кто им нужен.

* * *

Чаща, куда они забрели, глушила вокруг все звуки и зеленила рассеянный солнечный свет.

– Ты ведь так и не ответила.

– О чём?

Этерь шла впереди, перелезая через высокие гибкие корни и иногда срывая то ягоду, то цветок. Последний, белоснежный, она заткнула за ухо.

– Ты русалка?

– Отвали!

На её губах заиграла улыбка, а на щеках – ямочки, и по её хитрому взгляду Ильхо понял, что прав.

Они выбрались из-под крон деревьев на открытое пространство. Неподальёку земля обрывалась под ногами и устремлялась к скалистому берегу отвесной стеной, у подножия которой разбивались такие буйные с этой стороны острова волны.

– Я здесь впервые, – оглядевшись, произнесла Этерь.

– Отсюда недалеко до Цехов, – Ильхо указал в ту сторону, где, пробравшись по тропинке через холм, можно было выйти прямо к цеху сборки. – Слышишь шум? Это вагонетки.

– А ты тоже работаешь? Участвуешь в семейном деле? – спросила она, прищурившись.

Ильхо улыбнулся и покачал головой.

– А какое у тебя дело?

– Дело?

– Чем ты здесь занят?

Прихватив за спиной одной рукой локоть второй, Ильхо двинулся ей навстречу, рассуждая:

– Я люблю кататься на волнах.

– Как это? – Этерь с любопытным блеском глаз потянулась к нему.

– Заходишь в воду, ждёшь волну, а потом встаёшь на доску и пытаешься удержаться на ней.

– Это не дело, – заметила она. – Но я хотела бы покататься на доске.

– Я могу показать. Но это сложно.

Этерь хохотнула.

– Ну, если уж ты можешь, то и я смогу.

– Так откуда ты?

Вместе, так и кружа вокруг друг друга, они дошли до обрыва, посмотрели вниз на пенящиеся волны и опустили на землю, свесив ноги с опасной головокругительной высоты, которая ни одного из них не пугала.

– Я... – Этерь нахмурилась, мягкие густые брови опустились к переносице. – Я не помню. Мне пришлось прыгать с корабля и добираться до острова вплавь, и я наглоталась солёной воды. Я была без сознания, когда меня нашли.

– Признайся, что ты русалка.

Ильхо давно не чувствовал подобного азарта; Этерь фыркнула.

– Я ищу здесь отца.

– Почему именно здесь?

– Наверное, я что-то знала о том, куда он отправился, – она с сомнением закусила губу, глядя вдаль, туда, где серые облака сливались на горизонте с посеревшим морем.

– Наверное, потому что ты русалка... Ладно! Я шучу!

– Не смешно! – Этерь ткнула его под рёбрами. – Что ты заладил?!

– А не надо было заманивать меня в воду и исчезать. Теперь я ни за что не поверю, что ты обычная девушка.

– Верно, – она чуть задрала нос. – Я совсем не обычная девушка. Таких ты ещё не встречал.

– И это говорит мне босячка в мужских обносках.

– На себя посмотри! – заметила она сквозь смех. – На тебе-то что?

– Что?

– Те же обноски! А ты точно Герцогов сынок?

– Я хотя бы в обуви.

Ильхо продемонстрировал ей сандалии, а Этерь поглядела на свои чёрные от грязи ступни.

– Может, ты без обуви, потому что русалка?

– Если ты спросишь ещё раз, я стряхну тебя вниз.

Её угроза вызвала у него лишь смех, но спрашивать он перестал.

– Да и вообще, что ты ко мне прицепился?

– А что если я влюбился?

Ильхо наклонился к ней, и их глаза оказались друг напротив друга. Они у Этерь были тёмно-зелёные, с вкраплениями цвета древесной коры. Самые живые из тех, что он видел.

– Любовь бывает одна, – серьёзно заметила Этерь. – И на всю жизнь.

– А может, эта – как раз такая, – ответил Ильхо, улыбаясь и касаясь кончиком своего носа её.

Этерь смотрела на него, не мигая, с бесхитростной открытостью во взгляде, и Ильхо поцеловал её.

Следы того укуса уже зажили, но он и не переживал, что она цапнет его вновь, – в этот раз её губы были мягкими. Они оба закрыли глаза. Море шумело под ногами, так же, как кровь в ушах, а кроме этого и влажных касаний губами не было больше в мире ничего важного...

– Господин! – раздалось где-то за спиной в сопровождении треска веток. – Господин! – повторилось ближе.

Они открыли глаза, прежде чем разорвать поцелуй.

– Господин! Герцог вас обыскался! – произнёс запыхавшийся бедолага, которого его отец заставил обежать остров. – Там гости прибыли. На ужине требуется ваше присутствие.

– Ах! – раздосадованно простонал Ильхо. Наверняка будет скучно до зубовного скрежета! Хотя, может, его развлекут занятной историей о Большой земле?

Они с Этерь обменялись взглядами, в которых оставалась ещё тайна и недосказанность, а потом он вскочил и поторопился в замок: мыться и натягивать тесный, душный костюм для официальных приёмов.

Стол накрыли в просторной, продуваемой сквозь огромные окна морским ветром столовой. С тем же успехом они могли ужинать и на открытом воздухе: в саду или на террасе. Солнце село рано, и огромные серые бабочки так и вились вокруг кованых, установленных прямо под крышей фонарей, не в силах достичь огня сквозь мутное белое стекло.

После дневного перекуса Каю и его сестре было предложено осмотреть свои покои – две просторные комнаты с общей гостиной и огромным балконом, принять ванну, привести себя в порядок. Багаж был доставлен вовремя.

После им показали сам замок и его окрестности: Герцог лично провёл их весьма незамысловатым маршрутом, скупко отвечая на вопросы. Кай не был удивлён – по рассказам он знал, как тот немногословен. Конечно же, им был продемонстрирован сад, немногочисленные залы и холлы, просторные террасы, галереи. Они полюбовались на не самое роскошное убранство комнат. И только.

Герцог не показал ничего, что было бы связано с работой. Например, кабинет или мастерскую – а Кай был уверен, что таковая имелась в замке, а не только в Цехах. Но хозяин не произнёс ни слова о своём деле, будто намеренно избегая темы.

На приёме, на котором присутствовали только члены семьи, а прислуживали лишь трое, подавали рыбу и всевозможных морских гадов, названия которых Кай не знал, а Кайя опасалась пробовать, если на вид блюдо было слишком уж диковинно. Но она умело скрывала все свои порывы за вежливой улыбкой. Самому Каю экзотика нравилась. В качестве редкого развлечения – почему бы и нет? Потому он пробовал всё, но понемногу.

– Как, вы говорите, она называется? – спросил он, пригубив из рюмки.

– «Поцелуй русалки», кажется. Её рецепт придумали здесь... Местная диковинка! – с наигранной лёгкостью и нотками неловкости ответила Регина. Когда речь заходила о здешней жизни, она словно боялась показаться излишне провинциальной.

Так оно и было, но Кай не собирался злорадствовать на счёт хозяев.

– Удивительно, – протянул он. – Могу поклясться, что перед отплытием я пробовал нечто подобное на одном приёме. Помнишь? – Кай обратился к сестре.

Кайя коротко кивнула, не пожелав поддерживать разговор о выпивке. Весь вечер она не спускала внимательного, изучающего взгляда с сына Герцога.

Ильхо соизволил появиться на ужине – правда, с опозданием, за которое искренне извинился. Уж чего-чего, а подкупающего обаяния у него и впрямь было не отнять. Он был достаточно высок, в меру поджар, но не сухопар, с густыми взъерошенными волосами и светло-зелеными глазами в обрамлении светлых, пушистых ресниц.

– А я целовался с русалкой, – вдруг подал тот голос, и все взгляды тут же обратились к нему. Ильхо глядел в ответ так, будто только что очень глупо, но невинно пошутил.

Регина так и замерла с не донесённой до рта вилкой.

– Прошу, не начинай, – с обидой проговорила она.

– Я подумал, вам это будет интересно.

Ильхо откровенно дурачился, а Кай всё не мог его раскусить. Ну не может же он быть настолько непутёвым?

– А вы слышали о морском дьяволе?

Нет, пожалуй, всё-таки может...

Регина бросила приборы, и те со звоном ударились о тарелку.

– Ильхо!

Лолли, приоткрыв рот, попросту тарасила свои круглые глаза: неясно, удивлялась она происходящему или боялась. Герцог сложил перед губами пальцы рук с задумчивым выражением умных, холодных глаз.

– Да что?! – на губах Ильхо играла улыбка. – Я слышал сегодня в городке. Гончара Барудо покусал морской дьявол. Он его видел: у него чёрная кожа и пасть, полная острых зубов.

Кайя очаровательно рассмеялась.

– Ильхо, вы такой забавный!

– Правда? – Парень улыбнулся ей.

– Я всегда мечтала послушать здешние истории!

– По этой части мой сын настоящий мастер, – заметил Герцог, снова принимаясь за еду. – Вам и года не хватит, чтобы выслушать все его байки.

На это Ильхо ничего не ответил, зато послал Кайе весёлый взгляд, подтверждая сказанное отцом.

– Надолго вы к нам? – подала голос Лолли, обращаясь по большей части к Каю.

– На месяц. Дольше злоупотреблять вашим гостеприимством мы не можем, да и дома нас ждут дела. Надеюсь, этого времени нам хватит, чтобы обсудить будущее сотрудничество.

Он послал Герцогу располагающий взгляд; Герцог мрачно улыбнулся своим мыслям. На самом деле Каю было неважно, договорятся они в итоге или нет. Цель их прибытия на Коралловый остров была несколько иная.

– Я всегда хотела узнать, почему вас зовут Герцогом? – спросила сестра. – Это ведь не титул.

– Вы правы, это моё имя. У моего отца было своеобразное чувство юмора.

Ильхо неприкрыто усмехнулся, но беседа продолжалась.

– Мне не терпится увидеть ваши машины! Вернее, их производство. Вы же устроите для нас небольшую экскурсию? Я видела некоторые из ваших механизмов, по большей части тех, что для хозяйственных нужд, в домах наших друзей. Мы бы тоже обзавелись одним из них, но наш отец старомоден и отдаёт предпочтение прислуге. Вы, как я вижу, тоже.

Герцог кивнул.

– В такой глуши мне по душе живое общение.

– Живое общение? – тут же вставил Ильхо с каким-то особым задиристым весельем. – Ты, должно быть, шутишь. Когда и с кем ты в последнее время разговаривал, кроме рабочих?

Отец ответил ему непроницаемым взглядом, в льдистом омуте которого можно было без должной подготовки захлебнуться. Но Ильхо, видимо, уже научился «плавать».

Кай тут же отвлек на себя внимание, не давая семейной ссоре и шанса.

– Наш отец – большой поклонник вашего таланта. У него обширные кофейные плантации, и ваши механизмы пришлись бы очень кстати. А потому у него для вас предложение о сотрудничестве на крайне щедрых условиях. Но, полагаю, дела мы обсудим позже?

– Да. Для этого ещё достаточно времени, – согласился Герцог.

Кай очень рассчитывал в обозримом будущем на приглашение в кабинет хозяина.

Заговорила Кайя:

– Раз мой брат будет занят делами, было бы справедливо, чтобы кто-то составил мне компанию. Ильхо, вы наверняка знаете остров как свои пять пальцев. Покажете мне ваши любимые места?

– Смотреть особо не на что, – бесхитростно заметил тот. – Весь остров обойти – дело одного дня, а то и меньше.

– Мне кажется, что в вашей компании мне не будет скучно. Тем более что вы знаете столько историй.

Самолюбие Ильхо охотно откликнулось на эти слова: глаза загорелись, а губы растянулись в хулиганской улыбке. Кай тоже улыбался, но про себя.

– Вы уверены, что вам не нужна личная прислуга? – забеспокоилась вдруг Регина. – Должно быть, вам будет комфортнее, если мы подыщем для вас лакея, а для вашей сестры горничную.

Сестра незаметно подарила Каю ласковый, умоляющий взгляд, точно говорящий: «Уволь от подобной любезности!»

Да, те, кто приезжал искать работы или лучшей доли на острове, оставляли желать лучшего. Их дворецкий был больше похож на хозяина провинциальной харчевни, а лакеи мало чем отличались от простых разносчиков. И речи не могло быть о том, чтобы кто-то из них был

допущен в их покои: к гардеробу и прочим обязанностям. Не говоря уже о том, чтобы что-то вынохивать...

– Знаете, в свете новое поветрие. Модно быть самостоятельным и нетребовательным. Роскошь нынче не популярна. Мы с сестрой прекрасно справимся сами. Но благодарю вас за предложение.

Каю, конечно, уже осточертело затягивать корсет сестры, но с этим временным затруднением он готов был примириться.

– Сколько людей проживает на острове? – поинтересовался он, чтобы поддержать угасающий разговор.

– О, – Регина явно растерялась. – В замке из слуг двадцать четыре человека. А в городке проживает что-то вроде... трёх сотен?

Она обратила беспомощный взгляд к брату.

– Шестьсот девяносто восемь, – уверенно ответил Герцог. – Если считать прислугу и рабочих Цехов.

– То есть всех, не считая вашей семьи?

– Да.

– Вы так точны в цифрах, – любезно заметил Кай.

– Я обязан. Каждый желающий найти здесь работу, прежде чем сойти на землю, подаёт прошение и предоставляет документы для ознакомления. И если я желаю удовлетворить его просьбу, то встречаюсь с ним лично, и уже после ему позволяют высадиться на острове.

– К чему такие меры предосторожности? – наигранно легкомысленно спросила Кайя. – Ведь жаждущих податься в ваши края – единицы.

– Вы правы, дорогая! – воскликнула Регина. – Случается, что прибывает с караваном один работник – и это уже удача. А бывает так, что месяц-другой никого нет.

– Но вы же сами многих отсюда выставили лет десять назад, если не ошибаюсь? – решил спросить Кай. – Не испытываете недостатка в людях?

– Может, и испытываю, – жёстко ответил Герцог. – Но зато этим я доверяю. Я должен быть уверен, что среди них нет шпионов, подсланных, чтобы выкрасть мои секреты.

Он глядел пронзительно, и на мгновение Кай занервничал, но потом понял, что это всего лишь холодная синева его глаз. Он подозрителен по натуре.

– Понимаю, – Кай склонил голову, признавая правоту изобретателя, ревностно охраняющего свои секреты. – А как же специалисты? Вам не нужны учителя, инженеры, врачи?

– Нет. Рабочих я обучаю сам. Мне вообще пришлось научиться разбираться во многих ремёслах, я до сих пор выписываю необходимую литературу. А высокие искусства здесь ценятся только моей семьёй, и я вполне был способен дать детям образование. Моя сестра любит порой музицировать.

– Мечтаю послушать! – тут же обратилась Кайя к Регине, та ответила натянутым смехом.

– Как-нибудь. Я давно не упражнялась!..

– Ну, а что насчёт медицинской помощи? Или здешняя жизнь так хороша, что и больных нет?

– Я лично осматриваю всех жителей острова, – без улыбки заметил Герцог.

– Ах да, я всё время забываю, что в молодости вы были блестящим врачом.

Кай не хотел, чтобы его слова прозвучали как напоминание о том времени, когда врачующий тела стал интересоваться механизмами, но, кажется, именно так и вышло.

– Да. Был, – сурово заметил хозяин, указывая на то, что разговор закончен.

В приглушённом, пляшущем свете огней Кай наблюдал за присутствующими. Лолли не вникала в беседу: иногда она косилась на него, неумело пряча взгляд. Регина беспрестанно переживала о перемене блюд и манерах лакеев. Ильхо, оказывается, всё это время подкарм-

ливал притаившегося под белоснежной скатертью пса. А Кай ещё гадал, откуда тянет мокрой псиной.

Молчание сделалось тягостным. Слышен был даже шум волн у подножия замка.

– Кстати, – Кайя приосанилась, её глаза сверкнули. – Мы прибыли не с пустыми руками, дорогой Герцог. От члена Совета отец слышал, что в последнее время вам не хватает неких специальных деталей. Всё время забываю, как они называются! Вы несколько раз посылали запрос в Совет, но по каким-то бюрократическим причинам его отклоняли.

Герцог смотрел выжидающе, не выдавая свой заинтересованности.

– Отец закупил их за свой счёт и послал с нами партию. В знак дружбы.

Герцог продолжал молча глядеть, явно изучая выражения их лиц и не только, – будто просвечивал взглядом.

– Я думал, вы сами можете изготовить всё, что пожелаете, – подхватил нить беседы Кай.

– Дело не в самих деталях, а в особом сплаве, не подверженном воздействию агрессивных сред, – сухо пояснил хозяин.

– Удивительно, почему Совет не хотел их высылать, ведь они снабжают вас всем необходимым за своевременные поставки механизмов. Если кто-то из Совета намеренно саботировал вашу работу, вы вправе подать жалобу. А я мог бы оказать содействие...

– Эти детали нужны мне не для работы, – был дан короткий ответ, после чего разговор опять зашёл в тупик.

Ильхо явно скучал, то и дело глядя в сторону ближайшего окна. Свет Драконьей Туманности падал сквозь оконные проёмы на каменный пол, подсвечивая столовую тут и там розовым.

– Я очень рада вам, – вдруг спасла положение Регина, впервые заговорив с сердечной теплотой в голосе. – Вы не представляете, насколько тут одиноко.

– Но вы ведь могли остаться на Большой земле, – с безжалостной вежливостью заметила Кайя. – Вы и ваша дочь не обязаны были сюда отправляться.

– Да, но... Как мы могли остаться? После смерти моего мужа мы лишились всех средств к существованию. Из-за этих мошенников!

– Конечно, – мягко согласился Кай.

Если уж кто и был мошенником, то это её покойный муж, полезший в петлю, после того как проиграл всё состояние в карты и оставил семью на волю своих кредиторов. Но Кай прекрасно понимал Регину: лучше уж в ссылке, на этом острове, довольствоваться жизнью обеспеченной аристократки, чем пойти работать белошвейкой.

– А вы, Ильхо, – обратилась сестра к юноше, – что вы думаете о том, чтобы покинуть родные края и, наконец, посмотреть мир?

Ильхо скривил губы, мигом посерьёзнев.

– С вашей стороны неучтиво так шутить. Вам ведь известно моё положение.

– Да, – беспечно заметила она. – Но вы ведь всегда можете жениться.

– О чём вы?

– Но как же... – Кайя перевела по-настоящему растерянный взгляд с него на Герцога. – Совет уж года два как одобрил решение в отношении вас. Вам разрешено покинуть остров, если вы женитесь на представительнице дворянского рода, семья которой за вас поручится... Я не понимаю, – сестра искала поддержки у Кая, – разве вы не знали?..

– Отец! Какого чёрта?! – взорвался Ильхо, со звоном оттолкнув от себя тарелки с бокалами. – Ты не сказал мне!

Лолли вздрогнула, Регина драматично прикрыла глаза рукой, а Герцог остался недвижим. Даже во взгляде не переменялся. Конечно, он знал.

– Не сказал, потому что не посчитал нужным.

– Я мог жениться на дочке любого залётного авантюриста – сколько их тут было – и убраться наконец-то с этого острова! Подальше от тебя!

– Тебе не нужна женитьба, тебе нужно повзрослеть, – устало ответил Герцог.

Смерив отца гневным взглядом, Ильхо поднялся, откланялся и вышел из столовой. Пёс с космами палевой шерсти лениво высунулся из-под стола и посеменил за ним следом.

– Кажется, у меня начинается мигрень, – глухо произнесла Регина перед тем, как подали десерт.

Глава 5

– Не может быть!

– Да.

Этерь солнечно улыбнулась – широко, с прищуром, так, что затмила собой даже солнце, поднимающееся над горизонтом. Стояла несусветная рань, но она уже сидела за гончарным кругом, исправно выполняя то, что приказывал Барудо. Глина в её руках казалась такой послушной, что Мартия то и дело задерживала взгляд на пальцах, придающих форму будущему изделию.

– Ловко у тебя получается, – пробормотала она.

– Лучшего подмастерья и пожелать трудно! – отозвался довольный Барудо, возившийся в глубине лавки в потёмках. – Вчера допоздна сидела, пока я её не прогнал.

– Невероятно, – Этерь так и светилась сегодня. – Глина такая мягкая – никогда бы не подумала, ведь потом она становится твёрдой как камень. Но и очень хрупкой тоже... Хочешь попробовать?

Мартия замотала головой. Ей некогда пачкаться. Скоро нужно будет возвращаться на кухню.

– Давай рассказывай. – Она опустилась на колени около низкого табурета, на котором сидела Этерь, и вплотную придвинулась к подруге. – Вы правда целовались?

– Да.

– С ума сойти...

– С чего вдруг?

– Ты и Герцогов сын!

– Прекрати говорить так, будто это что-то невероятное. Мы любим друг друга.

– Ты же говорила, что его нужно проучить.

– Одно другому не мешает!

– Но... – Мартия пребывала в замешательстве. Как бы это сказать? – Ты уверена, что он говорил что-то про любовь?

Этерь остановила круг и посмотрела на неё так серьёзно, даже немного строго.

– Если он так сказал и поцеловал меня, как это может быть чем-то другим? Хорошие люди не разбрасываются своими словами.

Мартия не знала, что на это ответить. Хорошие люди не должны бы разбрасываться своими словами... Но она слышала, что такое случается.

– Я верю людям. – Этерь продолжила работу. – Все, кого я здесь узнала, хорошие люди. И Ильхо тоже.

Мартия лишь хмыкнула. Дай-то Бог, чтоб так и было.

– Почему ты думаешь, что твой отец здесь? – спросила она вдруг. – Раз ты его даже не помнишь.

– Так мне сказали.

– Кто?

Каждый раз, когда Этерь вспоминала прошлое, она хмурилась.

– Должно быть, мать или кто-то ещё. А может, он сам, когда я была ещё совсем ребёнком.

Мартии это было странно. Она пыталась представить, каково это – потерять память, но не могла. Вся её жизнь была перед ней как на ладони: детство, заботливая семья, родной городок, отчаянный поиск работы среди нищеты и её билет в сытую, мирную жизнь на этом сказочном острове. И вот она здесь. Всё просто, никакой путаницы.

– Я чувствую, что он здесь, – уже уверенно отвечала подруга. – Меня ведёт провидение.

– Ты так думаешь?

– Так сказал мне Руго, священник. Он сказал, что для всего на свете есть предназначение свыше. И что, если я преодолела столько препятствий, чтобы попасть сюда, меня точно ведут высшие силы. Всё не просто так.

Мартия была богобоязненна, но в церковь не ходила. А Этерь говорила обо всём божественном без раболепства, словно имела на это право, – и это снова изумляло её.

– Знаешь, у них есть книжки.

– У кого?

– У священников. У них есть своя маленькая библиотека.

– Но ты ведь не умеешь читать. Или умеешь?

– Нет, – Этерь упрямее сдвинула брови, – но я листаю их. Есть среди них одна книжка. В ней много картинок, ярких, красивых. Про рыцаря и деву. Мне нравится разглядывать её перед сном.

– Так попроси Руго, он научит тебя читать.

– Может, и попрошу.

Над их головами в кронах деревьев принялась заливаться пением голосистая птичка, океанский бриз разносил по острову запах цветущих круглый год деревьев. Небо было безоблачным, обещая ясный, жаркий день. Отовсюду слышался тихий, неспешный говор жителей городка, только открывающих свои лавки, под подошвами проходящих мимо людей шуршали гравий и песок.

– Я пойду, – Мартия поднялась на ноги.

– Заглядывай ещё! – Этерь махнула ей на прощание рукой, по локоть перепачканной в глине, и всецело отдалась делу.

Барудо больше не болтал о морском чёрте, что успокоило Мартию, а то она чуть не поверила в этот кошмар.

* * *

Утро приветствовало Кая ослепительными солнечными лучами, прокравшимися сквозь лёгкие занавески и ударившими прямо в глаза, и шумным стрекотом насекомых в саду под окнами. По ощущениям, было ещё непростительно рано, и он поворочался в постели в надежде уснуть, но признаки бодрствующего уже мира не дали сомкнуть глаз.

Умывшись и одевшись, Кай вышел в их общую с сестрой гостиную. Кайя тоже поднялась – её он застал на балконе, разглядывающей остров и прибрежные воды.

– Так непривычно, – сказала она вместо приветствия. – Только клочок земли, и океан вокруг. Если придёт большая вода, то им здесь не спастись.

– Разве что там, – Кай указал на единственную башню замка.

У него были все основания полагать, что именно это недоступное место Герцог избрал своим убежищем от мира. Скорее всего, там он и заперся, чтобы изобретать.

Сестра помолчала, тяжёлым невеселым взглядом ещё раз окинув распростёршийся перед ними остров. Жаль, что с этой стороны не разглядеть было Цеха, почти скрытые лесом, поросшим на скалистых холмах. Но наверняка их видно из башни.

– Ну что? – спросила она с мрачным весельем. – Новый день?

– Новый день, – подтвердил Кай решительно.

– Думаешь, Герцог соизволит сегодня поговорить с тобой о делах?

– Посмотрим. Возможно, он отсрочит встречу на день-другой. Но я потрачу это время с пользой. Познакомлюсь поближе с семьёй и прислугой. Возможно, обойду остров. Или попрошу на экскурсию в Цеха. Вряд ли он откажет мне в этом. Что будешь делать ты?

Сестра сузила глаза.

– Ильхо обещал мне прогулку по острову.

– Напомни ему за завтраком. Вряд ли он запоминает, что и кому обещает, – не удержавшись от насмешки, заметил Кай.

– Обещания, данные мне, ему придётся научиться сдерживать.

– Не сомневаюсь. Своего первого мужа ты отлично выдрессировала, а ведь он был в три раза старше тебя.

– Не заставляй меня вспоминать, – Кайя поморщилась. – От него так пахло... дряхлостью, до сих пор помню этот запах старости. И не вздумай обмолвиться, что я вдова.

Её слова задела Кая.

– Я не дурак. – Уж кому-кому, а ему не нужно было напоминать о том, что говорить и что делать. – Просто вспомнил.

Но сестра прошептала зло:

– Этого брака желал отец, не я.

– Но в итоге все оказались в выигрыше. Даже ты.

– Да.

Ему было жаль, что ей пришлось пройти через это. Но год совместной жизни со сморщенным стариком не такая уж большая плата за состояние и свободу поступать как вздумается.

Кай предложил ей руку:

– Пора спускаться.

Кайя высоко подняла голову и улыбнулась одними губами.

За завтраком их ждал первый сюрприз – а Кай не сомневался, что подобных будет великое множество: их приветствовала только половина семьи. Регина с дочерью уже приступили к трапезе, и ничто не указывало на то, что они ждут кого-то ещё.

– А что же хозяин замка, он не присоединится к нам? – поинтересовалась Кайя.

Регина едва сохраняла лицо. Всё же её светские манеры порядком поизносились за годы жизни в изгнании.

– Мой брат редко с нами завтракает, – ответила она с достоинством.

– Обедает тоже, – подала голос Лолли.

– Да. Он очень занят, как понимаете. Чаще всего он просит подать еду ему в кабинет. Но ужинаем мы всегда вместе. Семейный ужин – это святое.

«Кабинет» – вот что уловил слух Кая.

– А где же Ильхо? Он тоже работает? – спросил он, чтобы предупредить интерес сестры.

Лолли залилась смехом, громким и беспричинным.

– Дорогая, возьми себя в руки, – прошипела её мать. – Ты позоришь меня!

– Но, мама, он так хорошо шутит! Простите... вы такой смешной!

Кай рассчитывал, что его иронию оценит сестра, но не находил в своих словах повода для подобной истерики. И однако же он подарил девушке мягкую ободряющую улыбку. Лолли покраснела.

– Так где же Ильхо? – с плохо скрываемой досадой спросила Кайя, угощаясь нарезанными фруктами.

– Он... – Регина окончательно сконфузилась, – он спит.

Сестра приподняла брови, но в остальном осталась невозмутима – и надкусила ломтик груши. Кай подал знак, чтобы ему налили кофе. Он не был удивлён, но предпочёл всё перевести в шутку:

– Значит, вашему племяннику не по душе порядок, заведённый на Большой земле?

– Кто бы знал, что ему по душе, – недовольно отозвалась Регина. – Мы его не понимаем.

– Ему нравятся танцы, – снова заговорила её дочь.

– Танцы? – переспросила Кайя настороженно.

Хозяйка замка рассмеялась, нервно и фальшиво.

– Не обращайтесь внимания, это местный... досуг.

– А говоря «танцы», вы имеете в виду?..

– Они там все почти что без одежды и касаются друг о друга! – тихо, будто боясь своих слов, проговорила Лолли.

– А кто эти «они»? – умудрившись переварить услышанное, уточнила сестра.

– Молодёжь, – поторопилась ответить Регина, упреждая новый поток откровений. – Из рабочих, фермеров и прислуги.

Сморгнув удивлённо, Кайя только лишь улыбнулась, но так, чтобы по её улыбке всем всё стало понятно. Кай про себя изумился: неужели она не передумает после такого? Соблазнить парня ради их общей выгоды – одно, но вести его с собой и связывать жизнь с этим... беспечным дураком?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.